

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОТЕНЦИАЛ СССР¹

А.В. Бузгалин

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-122-127

В статье показано, что в СССР развитие ассоциированного социального творчества (в том числе такого феномена, как «энтузиазм»), базировавшегося на общественной собственности, было, вопреки мнениям большинства экономистов, одним из важных источников развития этой экономической системы. В то же время за формой общественной собственности в СССР скрывалось и противоположное содержание – отчуждение трудящихся от функций распоряжения и присвоения общественного богатства вследствие бюрократизации государственной собственности, что было главным тормозом развития экономики, в которой именно эти отношения собственности господствовали. Анализ этого противоречия показывает, что общественная собственность наиболее полно реализует свой потенциал либо как государственная (в таких экстремальных условиях, как войны, глобальные катастрофы и т.п.), либо в той мере, в какой базируется на ассоциированном социальном творчестве. Особенно велик потенциал общественного распоряжения и присвоения *на основе социального*

творчества в сфере производства общественных благ (образование, здравоохранение, искусство), где общественная собственность на результаты творческого труда может иметь форму «собственности каждого на все», что позволяет снять ограничения интеллектуальной частной собственности.

Ключевые слова: СССР, общественная собственность, социальное творчество, общественные блага, государство, бюрократизм.

Классификация JEL: B51, P26, H82, D73, H41.

Тридцать лет назад ушел с исторической арены Советский Союз. С социально-экономической точки зрения это означало, что система «реального социализма» в ее прежнем виде перестала играть роль практической альтернативы рыночно-капиталистической системе. Но поиск путей создания пострыночной и посткапиталистической экономики и общества не прекратился – ни теоретически, ни практически. Не утихают споры о соотношении социалистических и рыночно-капиталистических начал в Китае и Вьетнаме – странах, чьи практические экономические достижения неоспоримы и в которых их строй характеризуется как «социализм с китайской (вьетнамской) спецификой», продолжают поиски путей развития в направлении социализма на Кубе, в Боливии и др. Более того, пандемия обострила вопрос о важности, как минимум, глубокого реформирования капитализма (Schwab, Malleret, 2020), а, может быть, и движения к качественно новому состоянию общества (Бодрунов, 2018; 2020). В этих условиях вопрос о возможности и необходимости критического использования практик и теоретических разработок СССР даже через 30 лет остается актуальным.

В статье ответ на этот вопрос дается на основе методологии и теоретических разработок *Постсоветской школы критического марксизма* и, в частности, работ *Центра современных марксистских исследований* Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Бузгалин, 2018; Воейков, 2015), в которых показано, что социально-экономи-

© Бузгалин А.В., 2021 г.

Александр Владимирович Бузгалин, доктор экономических наук, профессор, профессор, кафедра политической экономики, Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; директор, Центр современных марксистских исследований, Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; buzgalin@mail.ru. ORCID 0000-0003-3923-8385

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007/21.

ческий прогресс существует, но идет не прямолинейно, а включает исторические зигзаги, периоды регресса (отступления), деформации и мутации красной линии истории и т.д. Как такую опережающую мутацию, ознаменовавшую крайне противоречивое начало мирового движения к социализму, мы и рассматриваем практики мировой социалистической системы XX в. и, в частности, СССР (Бузгалин и др., 2018).

Базируясь на этой теоретической посылке, мы можем показать противоречия того отношения, которое большинство политэкономов СССР считали «основным производственным отношением социализма», а представители Цаголовской школы Экономического факультета МГУ 1970-х гг. – «экономико-правовой формой основного отношения». Речь идет об *общественной собственности*. Характеристика фундаментальных противоречий этой формы собственности в СССР и уроков их развития – задача этого предельно краткого очерка, суммирующего ряд тезисов предшествующих работ автора и его постоянного соавтора А.И. Колганова, ряд из которых будет упомянут ниже.

В современных условиях эту форму собственности принято едва ли не отождествлять с государственной (с оговоркой, что кооперативная форма в СССР скрывала в большинстве случаев не меньший уровень огосударствления).

Мы хотим здесь сразу сделать два принципиальных уточнения.

Первое. Общественная собственность имеет ряд форм, основными из которых являются государственная, коллективная (в массе ее разновидностей – от кооперативов до собственности некоммерческих негосударственных организаций) и собственность «каждого на все» (примеры – см. open source, copyleft, викиномика и др.).

Второе. Государственная собственность может использоваться и реально используется в интересах не только общества, но и бюрократического аппарата, а также капитала (Бузгалин, 2019; Колганов, 2019). Отсюда

вытекает важнейшая проблема реализации государственной собственности как *формы общественной (по содержанию) собственности* – использование ее объектов в интересах общества в целом (а не господствующих экономико-политических акторов) на основе: а) равной доступности ее объектов всем членам общества, б) общественного распоряжения ее функционированием и развитием, в) равного присвоения экономических и социальных результатов этой собственности всеми членами общества. Именно здесь заложены глубочайшие *противоречия общественной собственности в СССР*, с которыми сталкивались едва ли не все граждане СССР.

С одной стороны, мы в некоторой мере были включены в отношения реального общественного использования и присвоения ряда объектов государственной собственности – это обеспечивала система общедоступного образования, здравоохранения, отдыха, искусства и др. Эти объекты были по своему содержанию общественными благами – граждане их получали бесплатно или на условиях, близких к равным (с большей или меньшей деформацией – ведомственностью, местничеством и привилегиями высшей бюрократии, но мы говорим о социализме, а не о полном коммунизме, к тому же начальном, где деформации закономерны).

В том, что касалось государственных производственных фондов, то их использование также было отчасти общественным. Обратим внимание не только на гарантированную занятость, но и на то, что часть прибыли государственных предприятий, т.е. часть экономической реализации общественной собственности, направлялась на бесплатное жилье, дотации на отдых и т.п. для работников предприятий и их семей. Более того, ряд народнохозяйственных результатов функционирования общественной собственности реально присваивался гражданами, что проявлялось, в частности, в обеспечении устойчиво высоких темпов развития, росте качества жизни и безопасности (здесь более чем уместно напомнить о Победе над фашизмом).

С дугой стороны, отношение соединения работника со средствами производства (социально-экономическое содержание отношений собственности) в СССР имело форму найма работника государством (при наличии элементов реальной солидарности и социалистической организации труда, в частности его социальной защиты). Не менее важно и то, что функции распоряжения общественным богатством были сконцентрированы по преимуществу в руках партийно-государственной бюрократии, превратившейся вследствие этого в относительно замкнутую привилегированную страту – *номенклатуру*, интересом которой объективно стали сначала формирование привилегий и льгот, а затем трансформация власти номенклатуры в частную собственность на капитал (Kotz, Weir, 1997).

И все же главным достижением СССР, непосредственно связанным с общественной формой собственности, были редко отмечаемые экономистами ростки нового социально-экономического содержания основного производственного отношения социализма (точнее, даже коммунизма в его ранней форме) – *ассоциированное социальное творчество трудящихся*. Политэкономы СССР это отношение называли по-разному: «*взаимопомощью*», «*солидарностью*», «*коллективизмом*». В общественном сознании оно отражалось терминами «*энтузиазм*» (преимущественно в 1930-е гг.), «*романтика*» (преимущественно в 1960-е гг.) и др.

Политико-экономическим содержанием этого отношения было *формальное освобождение труда* (формальное, так как оно затрагивало только сферу общественных отношений, а не содержание труда, остававшегося по преимуществу индустриальным репродуктивным, а не творческим). И это освобождение труда становилось (в определенной мере) альтернативой подчинению труда бюрократии (если говорить о СССР). Его элементы могут быть альтернативой господствующему в настоящее время подчинению труда капиталу. Самое трудное сегодня – увидеть за бюрократическими деформациями, особенно сильными в последние десятилетия СССР, реальные

формы этого отношения, но они существовали, хотя всегда в противоречивом сращивании с бюрократическим отчуждением труда.

Этими формами были *реальная взаимопомощь* внутри производственных коллективов (в частности, в самоуправляющихся бригадах), элементы реального социалистического соревнования и внутри предприятий, и между предприятиями (от «рабочего буксира» до бесплатного распространения новаций), социальная защищенность человека труда, общественное уважение к труду и др., но прежде всего – бескорыстный энтузиазм. Это был энтузиазм строителей Днепрогэса и Магнитогорска, Братска и наукоградов... Энтузиазм «физиков» и «лириков», педагогов и врачей, ученых и деятелей искусства – всех тех, кто, получая в большинстве своем скромную фиксированную заработную плату, работал в полную силу своего таланта.

Характеристика массового реального энтузиазма представляет для исследователя-экономиста наибольшую трудность, так как он либо не отражается статистически и не имеет институциональной формы, либо отражается, но в формах, несущих на себе мощную печать бюрократических деформаций (например, статистика *социалистического соревнования*). Реальное содержание этого отношения отражено в такой особой сфере общественной практики, как... «*искусство*» (даже шире – художественная культура). Именно *советская культура* (Булавка, 2008) наиболее адекватно отразила и охарактеризовала феномен энтузиазма, являющийся одной из важных форм ассоциированного социального творчества. Экономисты, как правило, не работают с такими свидетельствами практик, как художественные книги, фильмы, музыка, но применительно к росткам коммунизма игнорирование этих практик – большая ошибка. Далее эту спорную мысль я в данном кратком наброске развивать не буду.

В заключение под черкну еще раз: все ростки социального творчества в СССР развивались в деформированных от рождения формах и были противоречиво переплетены

с отношениями бюрократического присвоения и распоряжения объектами собственности.

Но анализ этого противоречия многое дает для понимания противоречий государственной собственности и поиска оптимальных путей развития общественной собственности в современной экономике вообще и российской в частности. К числу важнейших из таких уроков прошлого относятся следующие.

Во-первых, государственная собственность может использоваться в интересах не общества, а государства как аппарата управления (что было одной из практик СССР) и господствующего экономико-политического класса (в современной экономике, в отличие от СССР, это прежде всего корпоративный капитал). В этом случае она не будет по содержанию общественной. Соответственно, государственные стратегии развития могут быть ориентированы на интересы не общества, а капитала и сращенной с ним бюрократии; даже национализация может проводиться в интересах не общества, а капитала (пример – выкуп по завышенной стоимости убыточных частных предприятий).

Во-вторых, для того чтобы государственная собственность развивалась как форма общественной, ее содержанием должны быть отношения освобождения труда, поначалу хотя бы формального (солидарность, коллективизм и т.п.), ассоциированного использования ее объектов (на основе общедоступности и бесплатности), реальное участие трудящихся в управлении собственностью.

Наконец, принципиально важна ориентация находящихся в общественной собственности предприятий преимущественно не на рыночные (и в этой мере частные) интересы, а на цели развития общества в целом. Отсюда следствие: *реальное развитие содержания собственности как общественной предполагает не национализацию, а социализацию* (то, что еще Ленин называл «обобществлением на деле», начинающимся с всенародного и всеобщего учета и контроля). Эти ростки коммунизма начинаются с переходных, социалистических форм.

Данные формы возникают и в условиях современной экономики – позднего капитализма. Но здесь элементы общественного распоряжения, присвоения и т.п. всегда существуют в противоречивом сращении с частным, с подчинением труда (и всей жизни человека) капиталу и рынку, ставшему сегодня тотальным. Дело в том, что поздний капитализм – такая стадия развития рыночно-капиталистической системы, когда в ее недрах возникают и неравномерно развиваются ростки будущего (социалистического) общества, но развиваются в формах, подчиненных капиталу.

В СССР отношения общественной собственности формально были доминирующей и, более того, системообразующей тканью экономики и общества, хотя реально лишь возникали, причем в формах, деформированных бюрократизацией и иными формами социально-экономического отчуждения, неизжитого или вновь обретенного в силу исторической специфики рождения социализма. Разница с поздним капитализмом здесь такая же, как (ограничусь в кратком тексте лишь образом) между льдом (капитализмом), в котором есть прогалины воды (социализма), и водой, в которой плавают льдины. Первое – образ позднего капитализма, второе – раннего социализма.

Соответственно, если мы остаемся на уровне реформ, а не качественных изменений, в сегодняшней России – полупериферийной модели позднего капитализма – можно и должно развивать элементы *реального общественного распоряжения, присвоения и использования*, вырабатывая и реализуя стратегию социализации, декоммерциализации (Клейнер, 2021а; 2021б) экономики и не отождествляя ее общественную по содержанию сферу с государственным (по форме) сектором.

В-третьих, общественная собственность имеет многообразные формы, и игнорирование этого многообразия (в частности, огосударствление кооперативов и насильственная кооперация) стало одним из важных негативных явлений советской системы. Для XXI в. в этом контексте особенно важным становится продвижение по пути снятия

частной интеллектуальной собственности, развития всеобщей собственности или *собственности каждого на все*. Подчеркну, что в СССР интеллектуальная частная собственность хотя и присутствовала, но играла подчиненную роль, а господствовала всеобщая собственность (точнее, ее отсутствие (Бодрунов, 2018)) на интеллектуальные продукты, и это дало значимые позитивные результаты в развитии науки, образования, искусства, т.е. именно тех сфер, где СССР занимал лидирующее положение в мире.

Завершая, подчеркну: этот текст – не более чем предельно сжатое изложение гипотезы, сформулированной в его начале. Ряд аргументов в пользу этой гипотезы автор сформулировал в своих предшествующих работах, часть из которых упомянута в тексте.

Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations (to the 200th Birth Anniversary of Karl Marx). *Problems in Political Economy*, no. 2, pp. 10–38 (in Russian).]

Список литературы / References

- Бодрунов С.Д. (2020). К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. № 3. С. 52–66. [Bodrunov S.D. (2020). On the issue of a comparative analysis of the theories of noonomy and socialism. *Problems in Political Economy*, no. 3, pp. 52–66 (in Russian).]
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. [Bodrunov S.D. (2018). Noonomy. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2019). Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. № 3. С. 7–18. [Buzgalin A.V. (2019). State in the Economy of the XXI Century: Political Economy Interpretation. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 7–18 (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018). Late Capitalism and Its

- Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. (2018). СССР: оптимистическая трагедия. М.: ЛЕНАНД. [Buzgalin A.V., Bulavka L.A., Kolganov A.I. (2018). *USSR: Optimistic Tragedy*. Moscow, LENAND (in Russian).]
- Булавка Л.А. (2008). Феномен советской культуры. М.: Культурная революция. [Bulavka L.A. (2008). *The Phenomenon of Soviet Culture*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya (in Russian).]
- Воейков М.И. (2015). Критический марксизм. М.: УРСС. [Voejkov M.I. (2015). *Critical Marxism*. Moscow, URSS (in Russian).]
- Клейнер Г.Б. (2021a). Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики // Экономическое возрождение России. № 1. С. 23–30. [Kleiner G.B. (2021a). De-commercialization of society is a condition for the intellectualization of the economy. *Economic Revival of Russia*, no. 1, pp. 23–30 (in Russian).]
- Клейнер Г.Б. (2021b). Коммерциализация, декоммерциализация, посткоммерциализация российской экономики // Вопросы политической экономии. № 3. [Kleiner G.B. (2021b). Commercialization, de-commercialization, post-commercialization of the Russian economy. *Problems in Political Economy*, no. 3 (in Russian).]
- Колганов А.И. (2019). Будущее государства в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Экономическая наука современной России. № 3. С. 18–29. [Kolganov A.I. (2019). The Future of State in the Economy: Russian Discussions and Their International Context. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 18–29 (in Russian).]
- Kotz D.M., Weir F. (1997). *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. New York: Routledge.
- Schwab K., Malleret T. (2020). COVID-19: The Great Reset. Zürich: ISBN Agentur Schweiz. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (accessed 20.05.2021).

Рукопись поступила в редакцию 29.09.2021 г.

PUBLIC PROPERTY AND ITS STATE FORM: CONTRADICTIONS AND POTENTIAL OF THE USSR

A. V. Buzgalin

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-122-127

Alexander V. Buzgalin, Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; Center for Modern Marxist Studies of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; buzgalin@mail.ru. ORCID 0000-0003-3923-8385

Acknowledgments. The research was funded by RFBR, project number 21-010-43007/21.

The article shows that in the USSR, the development of associated social creativity (including such a phenomenon as “enthusiasm”), based on public property, was opposite to the opinions of most economists one of the important sources of development of this economic system. At the same time, the opposite content was hidden behind the form of public property in the USSR – the alienation of workers from the functions of management and appropriation of public wealth due to the bureaucratization of state property, which was the main brake on the development of the economy in which these property relations dominated. The analysis of this contradiction shows that public property most fully realizes its potential either as a state property (in such extreme conditions as wars, global catastrophes, etc.), or to the extent it is based on associated social creativity. The potential of public disposal and appropriation based on social creativity is especially great in the field of production of public goods (education, health care, art), where public ownership of the results of creative work can take the form of “everyone's ownership of everything”, which makes it possible to remove the restrictions of intellectual private property.

Keywords: USSR, public property, social creativity, public goods, state, bureaucracy.

JEL classification: B51, P26, H82, D73, H41.

Manuscript received 29.09.2021

СОВЕТСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ЧТО И ПОЧЕМУ АКТУАЛЬНО В XXI В.¹

А.И. Колганов

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-127-132

Планирование получило широкое распространение в странах с различными социально-экономическими системами. При этом оценки результатов использования плановых методов, как и сами эти плановые методы, отмечают существенные различия. Они зависят как от особенностей социально-экономических систем, в которых применялось планирование, так и от задач, которое оно решало. Для исследования этих зависимостей полезно обратиться к опыту планирования в СССР, который демонстрирует разные варианты использования плановых методов. В годы новой экономической политики планирование функционировало в условиях широкого развития рыночных и капиталистических отношений. Поэтому методы планирования были адаптированы к условиям рынка. Само планирование было преимущественно индикативным, а достижение плановых результатов строилось путем воздействия на экономические интересы экономических субъектов. Поэтому можно обнаружить значительное сходство в модели советского планирования в годы новой экономической политики и тех плановых методов, которые применялись в послевоенный период в Европе, Японии, а затем и в новых индустриальных странах. Модель директивного планирования, получившая

© Колганов А.И., 2021 г.

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования экономических систем, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия; onaglo@mail.ru. ORCID 0000-0003-2223-7538

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007/21.